

УДК 02
ББК 78.30

БИБЛИОТЕКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ МЕТОДА (НОВАЯ ПАРАДИГМА)

© Л.Н. Гусева, 2006

*Российская национальная библиотека
191069, г. Санкт-Петербург, ул. Садовая, 18*

Автор объясняет появление новых парадигм в исследовательской деятельности. Основное внимание сосредоточено на изучении знаний, которые формируются в ходе практической деятельности.

Ключевые слова: парадигма, количественные и качественные методы, социальные науки.

Прежде чем перейти к изложению особенностей нового подхода к библиотековедческим исследованиям, следует, на мой взгляд, объяснить, в какой степени предлагаемая концепция может претендовать на то, чтобы называться новой парадигмой.

С точки зрения Т.С. Куна, который дал определение научным парадигмам, парадигма – это смена исследовательской традиции: появление нового образца в решении исследовательских задач. Эта смена традиций ведет к теоретическим конфликтам, которые часто переходят в личные конфликты, поскольку теории являются культурным капиталом, обеспечивающим должности, научные звания и т.д.

Теоретическая концепция, разработанная одним человеком, еще не является новой традицией, так как традиция – это уже практическое воплощение нового направления в исследовательской деятельности. Создание нового целостного образа научной деятельности следует за социальной практикой и направляет ее, организуя мышление исследователей. Элементы концепции присутствуют в доказательствах отдельных практиков, и именно эти люди, раскрывая (экстериоризируя) свою личность в творчестве, способствуют созданию новой парадигмы. Таким образом, теоретическая концепция является не обобщением практики, а одним из многообразных вариантов новой деятельности, описанием нового образца, каким его видит конкретный исследователь.

Идеи, высказывания, концепции исследователей разбросаны в выступлениях, статьях, монографиях и тому подобных текстах, т.е. являются элементами дискурсивной практики, которая и формирует новое знание о научной деятельности. По мнению французского философа М. Фуко, «дискурсивная практика не совпадает с научным

развитием, которому она может дать место; знание, которое она образует, не является ни прототипом, ни побочным продуктом повседневной жизни, образованной наукой... Науки появляются в элементе дискурсивной формации и на основе знания» /7, с. 183/.

Вот это признание, что помимо научных знаний, создаваемых в результате научных исследований, в процессе практической деятельности формируется еще и другое знание – институциональное, принимаемое без эмпирического обоснования и объективируемое в профессиональном языке и текстах, и является основанием для формирования новой парадигмы исследовательской деятельности в области библиотековедения за рубежом, в основном в англоязычных странах.

Профессиональное знание, формируемое опытным путем, не является явным знанием, так как субъект неотделим от объекта познания, поэтому оно не может передаваться посредством информационной деятельности. Это наглядно видно по той информации о зарубежном опыте, которую предоставляют библиотечные специалисты в настоящее время. Например, информация о новых технологиях, способах организации библиотек, конкретных программах совместной деятельности – это информация о результатах творческой деятельности зарубежных специалистов, а не о тех знаниях, на основе которых они конструируют эти реальные объекты. Описать эти знания на основе анкетного опроса невозможно.

Концепции практических программ формируются в процессе профессионального дискурса, а используемые научные методы сбора данных позволяют конкретизировать, уточнить уже имеющиеся представления о действительности. Для того чтобы сознательно использовать зарубежный опыт, надо знать, как эти реальные объекты конст-

руировались, их практическое знание, а не результат. Описание знаний, которые не надо внедрять в практику, поскольку они в ней формируются, требует определенной исследовательской работы, о которой и пойдет речь.

Начало обсуждения нового направления в библиотекведении за рубежом ознаменовалось дискурсом о количественных и качественных методах. Вернее, библиотековеды включились в уже сложившийся в других социальных науках дискурс. Этот факт показывает, что дискурсивная практика не ограничивается пределами одной организации, дисциплины или науки и связи между отдельными институтами являются не внешними, а внутренними, через отдельных личностей, способных усваивать значения, созданные в другой культурной среде, и вести «неслышный» диалог со своими единомышленниками.

С точки зрения А. Дика, преподавателя библиотекведения и информатики из Южно-Африканской Республики, который исследовал, как развивается новое направление в англоязычных странах, «качественные методы исследования обеспечивают сбор данных, характеризующих представление группы о своем мире, изложенное отдельными членами этой группы» /12, р. 236/. Представление о мире или «образ мира» – это целостный образ, интегрирующий условия, в которых совершается деятельность. Он имеет когнитивное содержание, предшествует деятельности и направляет ее. «Образ мира» организует знание о мире в различных этических группах, а не только в обществе в целом – так называемые глобальные «образы мира» (meta-narratives), служащие культурной средой для целой эпохи.

Эту мысль обосновал в своих работах К. Манхейм, который считал, что разные социальные группы под влиянием социального опыта способны формировать собственное мировоззрение, а интеллектуалы из их сферы могут преобразовывать мировоззрение в особый стиль мышления (идеологию), т.е. концептуализировать имплицитную истину практиков. В результате общественных перемен превращенные в идеологию этические нормы начинают мешать реальному восприятию действительности из-за устаревшего категориального аппарата. Таким образом, познание практиков одновременно является действием и знанием, а теория (концепция), создаваемая интеллектуальной элитой, является вторичной /4/.

Качественные методы, основанные на «диалоге» и «понимании», естественных свойствах человеческого сознания, были первоначально использованы в литературоведении, антропологии, психологии, а затем социологии и этнологии и других науках для исследования текстов, слов, фраз или иных символов, описывающих действия

людей и события социальной жизни. Некоторые ученые, например М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, придают понятию «текст» более широкое значение, как конституирующему предмет научных исследований гуманитарно-филологического направления.

В традициях библиотекведения исследователи заимствуют качественные методы, используемые в других науках: фокусированное интервью, включенное наблюдение, герменевтику и т.д. Герменевтике как особому способу понимания субъективных (авторских) и объективных (значения слов) смыслов текстов уделяется особое внимание. Если говорить об опыте использования качественных методов в других областях знания, то кроме герменевтики развиваются также идеи феноменологии и этнометодологии.

В последние годы среди философов, методологов, исследователей появляются высказывания о том, что проблема, заключающаяся в том, должны ли представители общественных наук стремиться к ценностной нейтральности либо использовать особые методы гуманитарных наук, является надуманной, вводящей в заблуждение /5/. Заблуждение основано на слиянии социологии и социальных наук /2/. Применение качественных методов – это задача социологии, исследующей реальные отношения между людьми и различными социальными группами, и других эмпирических наук, где исследователи не являются представителями данных групп. Они работают с понятиями, которые им даны.

Задача современных социальных наук, познающих не общество в целом, а отдельные социальные группы, состоит в создании собственных «образов мира». В связи с чем у социальных наук другая дилемма: позитивизм или метафизика. Метафизика, или первая философия, в определении Аристотеля, в связи с развитием новой онтологии рассматривается как метод исследования и объяснения практики /6, с. 15/.

Проблема создания библиотечной философии широко обсуждалась в США еще в 30-х гг. XX в. В 1933 г. П. Батлер во «Введении в библиотековедение» рассматривал философию библиотековедения как научную теорию, служащую для объяснения, подтверждения и контроля практики /8/. В 1934 г. после выхода статьи Д. Дантона, написанной в защиту библиотечной философии, началась дискуссия. Дантон уделяет большое внимание отличию философии от библиотечной науки, которые многие, по его мнению, в том числе и П. Батлер, рассматривают как синонимы /9/. Опираясь на идеи американского философа, педагога и общественного деятеля Д. Дьюи, Дантон связывал философию с мышлением практиков, с их способностью осмысливать общественные ценности, задачи

и цели библиотек в сложной системе общественных отношений.

Согласно идее Д. Дьюи, предметом философии является социальный опыт – практика, а не внутренний мир человека, который исследуется психологами. Опыт включает в себя социокультурный контекст, изучение которого делает возможным его понимание. Наука – это исследование того, что существует, и его теоретическое обоснование. Теории и научные методы – инструменты, обогащающие наше понимание действительности. Абстрактные этические принципы создаются так же, как и научные теории. Наука позволяет подорвать косность этических систем путем их испытания и преодолеть утратившие смысл стереотипы и парадигмы практического мышления /10, 11/.

Таким образом, американские библиотековеды осознавали необходимость формирования своего образа мира, а это возможно только на основе создания собственной философии, поскольку то, что сложилось на практике, совсем не означает, что так должно быть. Это хорошо видно на культурологических исследованиях, показывающих как знания формируются. Например, в работах М. Фуко, который создал свою методологию исследования дискурсивных практик. Он стремился выйти за пределы структуризации и герменевтики и исследовать комплекс факторов, влияющих на практическое мышление. М. Фуко не исследовал профессиональные знания библиотекарей, но его методология обсуждается в зарубежной профессиональной печати.

Дискуссия о науке и философии в США продолжается до сих пор, но в настоящее время библиотековедческие исследования, как у нас, так и за рубежом, основаны на позитивизме, сформировавшемся во второй половине XIX в. на основе достижений естественных наук. Познавательный субъект противопоставляется познаваемому объекту, для исследования которого создаются соответствующие научные методы. Это существующая парадигма библиотековедческих исследований.

Позитивисты отказывают философии в праве на существование как самостоятельной отрасли знания, полагая, что подлинное (позитивное) знание может быть получено лишь при изучении мира специальными науками. В соответствии с принципами позитивизма совершенствование методологии в общественных науках шло по пути интенсивного привлечения методов математики и статистики (количественных методов), что позволило приблизить эти науки к их научному идеалу – естественным (точным) наукам, способным регистрировать количественные и качественные факторы.

Избрав идеалом методы гуманитарных наук, например социологии, тем не менее не отказались от количественных методов. Как показывает прак-

тика, получив с помощью качественных методов данные об образе мира членов отдельных социальных групп, концептуализируя их смыслы, заложенные в текстах и т.д., дальнейшую их обработку специалисты производят на основе количественных методов. Значение компьютера в исследованиях, основанных на качественной методологии, возрастает по сравнению с традиционными исследованиями, и, как подчеркивает А. Дик, эти исследовательские проекты более дорогостоящие.

Главная проблема современных социальных наук не в сборе и обработке данных о результатах деятельности человека, а в интерпретации, объяснении человеческих действий, в понимании формирующих их социокультурных контекстов, т.е. значений элементов среды, в которой действует социальная группа или человек в различные исторические периоды; «ориентация на значения приводит к тому, что поведение человека становится осмысленным и понимаемым и для самого действующего индивида, и для наблюдателя» /3, с. 26/. Понятие «социокультурный контекст» связано с понятием «образ мира». Стремление осмыслить собственные действия и действия представителей других социальных групп и привело библиотековедов англоязычных стран к метафизике и этике.

Согласно М.М. Бахтину, «предмет гуманитарных наук – высказательное и говорящее бытие. Это бытие никогда не совпадает с самим собою и потому неисчерпаемо в своем смысле и значении» /1, с. 15/. Социальные же науки должны создаваться «по логике этики», т.е. конструировать концепции должного социального поведения.

Практическая философия стремится к познанию реальности, недоступной эмпирическому опыту, и от того, как понимаются значения элементов среды, результаты философского осмысления практики колеблются от объективизма (марксизм, структурный функционализм) до субъективизма (феноменология, этнометодология). Промежуточное положение, когда исчезает разница между субъективным и объективным, занимают взгляды таких философов, как Ж.П. Сартр, К. Манхейм, Д. Мид, Г. Блумер, Д. Дьюи и некоторых других. Близкие к ним идеи развивали и отечественные ученые – Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, М.М. Бахтин.

В статье, посвященной анализу критики позитивизма в области информационных и библиотековедческих исследований, А. Дик пишет, что американские библиотековеды определяют символический интеракционизм в качестве исследовательского метода для изучения формальных объектов, которые связаны обычным языком и не могут быть описаны математически. Символический интеракционизм был предложен Д. Шири в его так называемом эссе отречения, как область исследо-

вания, которая может обеспечить создание теории библиотековедения. Автор выражает сомнение в том, что информационная наука имеет связь с библиотековедением. Предмет исследования последнего – социальные явления, и, следовательно, позитивистские методы не пригодны в качестве инструмента для познания реальностей в библиотековедении /12, р. 234/.

Основы символического интеракционизма заложил Д.Г. Мид. Если кратко сформулировать его теоретические положения, то можно сказать следующее: человек развивается в социальной жизни, и в процессе речевого общения он приобретает способность обращаться с символами. Символы связаны с объектами, которые в окружающем мире становятся носителями смыслов – самых существенных элементов в рефлексирующем уме человека. Осознание мира происходит путем соединения смысла с объектом.

Понятие «символический интеракционизм» ввел в 1937 г. ученик Д. Мида Т. Блумер. Он настаивал на использовании в социологии «мягких» исследовательских методов, так как исследователь сам является частью исследовательского процесса, поэтому он должен овладеть той культурой, которую собирается освещать. Согласно Г. Блумеру, человек является создателем окружающего мира, которому он придает смысл, в результате чего этот мир становится для него объектом. Таким образом, человек создает свои объекты. Человеческие действия – это не реакция на потребности, а конструирование реальности. Конструктивно мыслящие индивиды встречаются в конкретной ситуации. Смысл действия зависит оттого, как индивиды интерпретируют ситуацию.

Различные подходы к интерпретации ситуации в марксизме и экзистенциализме описывает в своей книге, которая так и называется «Проблемы метода», Ж.П. Сартр. Французский ученый высказывает мнение, что марксизм остановился в своем развитии потому, что в нем произошел разрыв между теорией и практикой. «Конкретная мысль должна родиться из практики и обратиться на нее, чтобы ее осветить, и не стихийно, без всяких правил, а так же, как и во всех науках и искусствах, в соответствии с принципами. Но партийные руководители, упорно стремясь довести интеграцию группы до предела, опасались, что свободное становление истины, со всеми спорами и столкновениями, которыми оно чревато, нарушит требуемое борьбой единство; они оставили за собой право определять общую линию и давать интерпретацию событиям» /6, с. 26/.

Ориентация на интерпретацию ситуации в обществе политиков до сих пор характерна для многих отечественных библиотековедов, для которых она становится истинным знанием, поэтому отпа-

дает необходимость в самостоятельном философском осмыслении деятельности библиотек в мире. Главная цель таких исследователей – втиснуть деятельность конкретных библиотекарей в заранее заданные «образы мира».

Экзистенциализм утверждает реальность людей. Он также признает, что мир существует вне человека, но в отличие от марксизма не исключает «всякую реальную субъективность в пользу объективности», поэтому анализ ситуации начинается с бытия конкретных людей, в соответствии с которыми они придают миру значения и смысл, а не с действия физической силы, «результат которого явным образом зависит от системы, где действует эта сила» /Там же, с. 58/. Для исследования значения элементов культурной среды Ж.П. Сартр предлагает использовать достижения социологии, антропологии, психологии и других наук, которые он назвал вспомогательными дисциплинами.

В отличие от США, где активно развивались эмпирические науки, в которых описывались представления о себе и о мире представителей разных групп людей, в России такие исследования почти не проводились. Поэтому проблема библиотечной философии как метода создания профессионального «образа мира» – это проблема эмпирических исследований, направленных на развитие научного знания. У нас же проводятся только «прикладные исследования», в результате которых должны быть даны рекомендации практикам.

Поворот библиотечной науки от разработки технологий и принятия управленческих решений к исследованию бытия человека – творца библиотечного дела и дает возможность создавать собственное теоретическое знание в области библиотековедения, рождающееся из практики и направляющее ее через общий язык и норму совместной деятельности.

Список литературы

1. *Бахтин, М. М.* Человек в мире слова / М. М. Бахтин; сост., предисл., примеч. О. Е. Осовского. – М. : Изд-во Рос. открытого ун-та, 1995. – 140 с.
2. *Знанецкий, Ф.* Метод социологии // Социальные и гуманитарные науки: Отечеств. и зарубеж. лит. Сер. 11, Социология : реф. журн. – 1994. – № 4. – С. 31–42. – Ref. op.: Znaniecki F. The method of sociology. – N.Y., 1934. – P. 90–107.
3. *Ионин, Л. Г.* Социология культуры / Л. Г. Ионин. – М. : Логос, 1996. – 280 с.
4. *Манхейм, К.* Консервативная мысль / К. Манхейм // Манхейм К. Диагноз нашего времени. – М., 1994. – С. 572–668.
5. *Рорти, Р.* Метод, общественные науки и общественные надежды / Р. Рорти // И. Ф. Девятко. Модели объяснения и логика социологического исследования. – М., 1996. – С. 158–172.
6. *Сартр, Ж. П.* Проблемы метода : пер. с фр. / Ж. П. Сартр. – М. : Прогресс, 1994. – 234, /2/ с.

7. Фуко, М. Археология знания : пер. с фр. / М. Фуко; общ. ред. Б. Левченко. – Киев : Ника-Центр, 1996. – 208 с.
8. Butler, P. An Introduction to library science / P. Butler. – Chicago, Ill : Univ. of Chicago press, 1933. – XVI. – 118 p.
9. Danton, J. P. Plea for a philosophy of librarianship / J. P. Danton // The Libr. Quart. – 1934. – Vol. IV, N 4. – P. 527–551.
10. Dewey, J. Experience and nature / J. Dewey. – 2th ed. – Chicago; London, 1926. – XI. – 443 p.
11. Dewey, J. Logic : the theory of inquiry / J. Dewey. – New York etc. : Holt, Rimehart a. Winston, cop., 1938. – IX. – 546 p.
12. Dick, A. L. Influence of positivism on the design of scientific techniques: implications for library and information science research // South Afric. J. Libr. Inform. Science. – 1991. – Vol. 59, N 4. – P. 231–239.

Материал поступил в редакцию 5.09.2006 г.

Сведения об авторе: Гусева Людмила Николаевна – кандидат педагогических наук, заведующая отделом,
тел. (812) 310-81-73, 718-86-54, e-mail: acquisitions@nlr.ru